

Михаил ЖИГУЛЕВСКИЙ

МОРОЗОВА

Как волны быстрой сумрачной реки,
Толкутся дни. Блаженный тянет руки
За коркой хлеба, но, взглянув в глаза,
Бросает хлеб в весенний мокрый снег.
Плетется прочь, ворча и задыхаясь.

Вздохнув, подслеповатый пономарь
Читает книгу дней. Свеча, мерцая,
Бросает искалеченную тень
На известь кельи и кирпич застенка,
А ночь, как зверь, проснувшийся в норе,
Принюхиваясь к улицам, открыла
Огромные печальные глаза
Под черным клобуком. Толпа, толпа:
Бесчисленные сотни языков,
От холода закушенных губами,
Уставших говорить и говорить.

Веревкой подпоясав животы,
Лабазники таращатся, а время
Качается меж скорой темнотой
И светом, умирающим помалу;
А мы глядимся в плоскость их глазниц,
Видавших все, ничем не удивленных,
И все никак не можем разглядеть
Своих упрямых, бледных отражений.

ЗИМА

зима. метели многоголосье
следы копыт и следы полозьев
слепое солнце в лесу сосновом
зима приходит средневеково

Михаил Иванович Жигулевский родился в 1990 году в Вологде. Специальность — религиозная антропология. Читает лекции по истории философии и поэзии. Любимые стихи — авторства Георга Гейма, Исикавы Такубоку, немецкая и японская поэзия начала века в целом, а также древние китайская и японская лирика, христианское религиозное творчество. Живет в Санкт-Петербурге.

пригороды, похожие на деревни
деревни, похожие на деревья
деревья, не похожие ни на кого
хранящие деревянное естество

самое время уйти к деревьям
самое время вернуться к древним
за синей метелью страшное, вечное
бродит в полях непроглядным вечером

дребезжат морозные километры
отдана жизнь ледяному ветру
над волчьей ямой дрожат созвездия
застыл ручей — ледяное лезвие

цветные гирлянды, метель на площади
в окно заглядывают белые лошади
где волчьи тропы, там лошадь пятится
там волчья ягода в снег покатится

смола леденеет в белых волокнах
дрожат огни в одиноких окнах
застыла кровь в ледяных оковах
зима приходит средневеково

ПОЖАРИЩЕ

через ручей и через гарь
я вышел к дому, где я вырос
где осенью в сенях фонарь
звенел, рассеивая сырость

и горький запах кирпича
сжал растревоженное сердце
залез иван-упрямый-чай
туда, куда я лазал в детстве

звенела иволга: «беда!
огонь найдет себе дорогу!
добро пожаловать туда,
где люди чувствуют тревогу»

на огороде лебеда
по ветру радостно качалась:
«добро пожаловать туда
где люди чувствуют усталость»

лежал и ждал, закрыв глаза,
чего-то темного, большого
так тихо, что прошла лиса
и не заметила чужого

ЛУЧИНУШКА

Петербургский остров стоит на костях Иванов,
А Иваны родства не помнят, земли не знают.
Не лежится костям в песке: унылая, ледяная
Песня русская будит поэтов на старых диванах.

Песня будит поэтов, поэты смотрят на спящих женщин.
Оставляют квартиры, выходят в туман и видят:
Камыши, и болото в своей вековой обиде
Оставляет живым земли все меньше и меньше.

Мужики отнимают землю у ветра и у болота.
Ветер песню над ними носит, как серый парус.
Вековая обида и вечная, вечная старость.
Нет ни дома, ни сына, и гроб — сырая колода.

Но из черной земли, из-под желтых песков протяжно
Песня русская глухо звучит от края до края,
И поэты на улицах в темной тоске повторяют:
Ты гори, я с тобой догорю, остальное не важно.

НАИВНОЕ

В деревне, где провода никого не теснят,
Где самовар с железной трубой на хромой подставке,
Толстая зимняя кошка сидит на лавке,
Толстое солнце прячется за березняк.

Там — под рябиной — колодец в пустом саду:
Если уронишь ведро, оторвав примерзшую дверцу,
То после двух или трех сокращений сердца
Услышишь, как звонко стукнет оно по льду.

Плакал ручей за домом, но вот замерз.
Сядешь во тишине у божницы и к печи спину —
Ласково на человека и на скотину
Смотрит Владыка, рожденный зимой, в мороз.

СОН

Я сплю и вижу старый сон — стучат колеса,
И полоса по потолку проходит косо.
Я рыжий мох щиплю рукой у ног осины,
Но сон — река над головой. Река и Зимний.

Уходят заячьи следы во тьму и зелень,
А я не знаю, где мне быть. И не уверен.
Бушует ветер, как пожар, в высоких кронах,
Но сон — там поручни дрожат на перегонах.

Томится черная вода в заросших ямах,
Но сон — там поезд в никуда ползет упрямо.
Плакаты, женщины, глаза. Конца и края.
А я не знаю, где здесь сон, и не узнаю.